

А.Е. Новиков
г. Череповец

ОБРАЗ РОДИНЫ В ЛИРИКЕ И. СЕВЕРЯНИНА

И. Северянин неоднократно декларировал свою аполитичность, свою приверженность чистой поэзии, искусству для искусства.

Я – соловей; я без тенденций [З, с. 497], –

писал он в стихотворении «Интродукция», открывающем сборник его поэм «Соловей».

И далее Северянин подчеркивал, указывая на важнейшую особенность своего поэтического мира:

Я – соловей, и, кроме песен,
Нет пользы от меня иной... [З, с. 497].

Справедливости ради следует заметить, что общественно-политические мотивы все же порой проникают в северянинские стихи. Можно вспомнить, например, раздел «Монументальные моменты» из сборника «Victoria Regia» или цикл 1917 г. «Револьверы революции», помещенный в книгу «Миррэзия», где Северянин приветствует Февральскую революцию:

Свобода! Свобода! Свобода!
Свобода везде и во всем!
Свобода на благо народа!
Да радуемся! да живем! [З, с. 367].

Но уже в «Поэзе строгой точности» этого же цикла поэт замечает, подчеркивая свою приверженность «вечному искусству», а не «розни партийной»:

«Согреет всех мое бессмертье...»: Личность и творчество Игоря Северянина
в культурном контексте XIX–XXI вв.

Союзник царизма для нас не союзник,
 Как недруг царизма – не враг.
 Свободный художник зачахнет, как узник,
 Попав в политический мрак... [3, с. 389].

В «пенье бестенденциозном» Северянин видит отражение высшей мудрости и призывает петь

... о многом, многом,
 Нам близком, нужном и родном,
 О легкомысленном, о строгом,
 Но вечно юном и живом [3, с. 537].

Как «соловей русской поэзии» первой трети XX столетия И. Северянин наиболее ярко раскрывает, на наш взгляд, две темы: любви к женщине и красоты окружающего мира, находящей воплощение и в образе «светлого царства Миррэлии» [3, с. 281], и в образе Родины – «священной моей страны» [4, с. 30], – и различных, близких сердцу поэта ее уголков («староновгородских краев», Гатчины, берегов Луги).

При этом поначалу наиболее яркое воплощение в поэзии И. Северянина получает образ Миррэлии – придуманной поэтом фантастической страны, «грёзового царства», названного по имени поэтессы Мирры Лохвицкой – поэтического кумира И. Северянина. В ней видит поэт воплощение мечты о вечном счастье и гармонии, о пребывании в вечной радости и блаженстве. К ней он устремлен всей своей душой.

О ты, Миррэлия моя! –
 Полустрана, полувиденье!
 В тебе лишь ощущаю я
 Земли небесное волнение...
 Тобою грезить упоенье:
 Ты – лучший сон из снов земли,
 И ты эмблема наслажденья... [3, с. 308] –

признается Северянин в стихотворении «Баллада IX» своей книги «новых поэм» «Миррэлия».

В этой стране «небывшего бытия» Северянина были и своя королева – Ингрид, и свой король – Эрик, и даже своя «поэзосолистка Её Светозарности», которая «происходит из древней миррэльской

фамилии графской» и выступает, читая сочинения «Её Светозарности» «под именем звучным – Балькис, девы Савской» [3, с. 296].

Северянин так характеризует «поэзоконцерты с изящным участием славной солистки», которые «всегда интересны и стильно проходят на фоне арфистки»:

Соперниц не зная в своих выступленьях, она
бесподобна!
Сама королева ее отличила, даря солисткой:
Так что же ей зависть, она презирает всю фальшь
рецензентов,
Ее одобряют, звуча так литаврово, аплодисменты –
Ценителей истинных и королевского дара, и – Савской
Ах, с нею сравниться не снилось актрисе, актрисе
заправской! [3, с. 296].

У королевы Миррэльской есть и своя фаворитка – «фрейлина Эльгриня, девушка алоустая» [3, с. 287], которая «любовно головку на колени царице» наклоняет, «как балерина, королеве сочувствуя» [3, с. 287]. Есть в ее владениях и любопытная Эклерезита, которая не может понять, почему в Миррэлии нет войн.

– Все соседи сражаются,
Не воюем лишь мы, –

с изумлением восклицает она и интересуется у «милой маменьки»: «Скоро ль будет война?» [3, с. 320].

– Но у нас, слава Господу,
Все здоровы умы, –

отвечает та.

А кроме того, «Миррэлия / не видна никому...» [3, с. 320].

Миррэлия – это также страна, которая, по замечанию В.А. Кошелева, «живет в изначальной гармонии, поэтому в ней сохранилась первозданная природа и дикие звери живут с людьми в любви и дружбе...» [2, с. 15].

Конечно же, волшебная страна Миррэлия – это мечта, уход от реальной действительности в мир поэтических грёз и фантазий (хо-

тя некоторые ее образы имеют совершенно конкретные прообразы – к примеру, та же актриса Балькис Савская – гражданская жена поэта Мария Волнянская...), наконец, это был и способ бегства от реальной России с ее проблемами и бедами...

Поэт по-настоящему обретает в душе Родину, Россию только тогда, когда ее теряет. 27 февраля 1918 г., как известно, И. Северянин достиг вершины своей славы в России – на «поэзовечере» в переполненном публикой зале Политехнического музея в Москве он был провозглашен «королем поэтов», а через несколько дней, в первых числах марта 1918 г., сам того не ведая, навсегда покинул родину.

По иронии судьбы став эмигрантом, И. Северянин начинает по-настоящему осознавать себя русским поэтом.

Я мечтаю, что Небо от бед
Избавленье даст русскому краю.
Оттого, что я – русский поэт,
Оттого я по-русски мечтаю! [4, с. 19] –

пишет он уже в 1922 г.

В дальнейшем ностальгические мотивы в его поэзии все более усиливаются и все более проникновенными становятся строчки его стихов, посвященные Родине, которая для него теперь

Неподражаемой России
Незаменимая земля [4, с. 22].

Петь о России теперь для Северянина,

...что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...

...что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...

...что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть! [4, с. 9].

И, конечно же, он мечтает вернуться на Родину, верит, что

...будет вскоре весенний день,
И мы поедem домой, в Россию... [4, с. 13].

И представляет, как зарыдает

...молясь весне
И землю русскую целую! [4, с. 13].

Северянин вспоминает и близкие его сердцу уголки России – Лугу, «родную Суду», Андогу, Нелазу...

Шексна моя, и Ягорба, и Суда,
Где просияла первая любовь,
Где стать поэтом в силу самосуда,
Взбурленная мне предредила кровь.

Вас повидать опять – мое желанье,
Непобеждаемое, как весна...
Сияет даль, и там, в ее сиянье,
Моих слиянных рек голубизна [5, с. 266], –

писал поэт в одном из своих последних стихотворений.

И здесь, на наш взгляд, вновь возникают миррэлические мотивы, только образ этой идеальной страны получает воплощение в близких сердцу Северянина уголках родной природы. Об этом в свое время писала еще Ю.В. Бабичева, отмечавшая, что «его (Северянина. – А. Н.) «Миррэлию» следует поискать вокруг города Череповца, в быв. Новгородской губернии, где прошли его детство и отрочество... Здесь истоки его поэтического вдохновения...» [1, с. 7].

А кроме того, «Миррэлия может быть в Луге» [3, с. 281] (по словам самого поэта), с которой у Северянина было связано немало поэтических воспоминаний, и в «милом тихом городке» – Гатчине, который Северянин называет «музеем моей весны» [3, с. 331].

Таким образом, мы видим, как образ идеальной страны Миррэлии фактически соединяется у Северянина с воспоминаниями о близких его душе уголках родной страны – «неповергаемой России» [4, с. 22]...

Литература

1. Бабичева Ю.В. Игорь Северянин и его Миррэлия // О Игоре Северяanine: Тезисы докладов научной конференции, посвященной 100-летию со дня

рождения Игоря Северянина. Череповец, апрель 1987 г. Череповец, 1987. С. 5–7.

2. Кошелев В.А. Поэт с открытой душой // Северянин И. Стихотворения. М., 1988. С. 5–26.

3. Северянин И. Сочинения: В 5 т. Т. 2 / Сост., вст. ст., коммент. В.А. Кошелева, В.А. Сапогова. СПб., 1995.

4. Северянин И. Сочинения: В 5 т. Т. 4 / Сост., вст. ст., коммент. В.А. Кошелева, В.А. Сапогова. СПб., 1995.

5. Северянин И. Стихотворения. Поэмы / Вступ. ст. и коммент. В.А. Кошелева, В.А. Сапогова. Архангельск, 1988.